

Дмитрий Веденяпин

СТИХОТВОРЕНИЯ

БОЛЬНОЙ

Он заболел. Размокшем дорогой
Теперь он шел зачем-то в дальний лес.
Мел ветер листья грязной поволокой
И бился об автобусный навес.

Что это, явь? Иль только показалось?
Но ветер выл, кружилась голова.
На остановке девочка смеялась,
Не попадая куртке в рукава.

Сойдя с дороги, он пошел тропинкой,
Она под ним дрожала и росла,
На дереве болталась в паутинке
Ненужная, засохшая смола.

Он сел на камень; тишина пустя,
Его, как плеть, хлестнула по щеке,
И мутный месяц, сосны задевая,
Поплыл куда-то в звездном гамаке;

И знает Бог — он верил в избавленье,
И верил в жизнь; и суетные дни
Сомкнулись вдруг, как у цепочки звенья
На крестике: "Спаси и сохрани."

+ + +

Шуршат, обмякнув, крылья одеял,
Хрустит трава; в огромной ветхой раме,
Едва не падая, качается над нами,
Как зеркало, белеющий овал.

На нем написано, что каждый прошлый год,
Мелькнув, совсем не может раствориться,
Что будущее в прошлое глядится,
И жизнь, как сон, бежит наоборот.

И, может быть, еще вернется к нам,
И мы навстречу кинемся из мрака...
Так в коридор бросается собака,
Хозяев узнавая по шагам.

ОГОНЬ

Нестройных лет танцующий волчок
Покорный воздух режет острым краем,
Как промокашка, на ветенках твет
Обшарпанный чернильный потолок.

Нас всех давно освободила смерть
От тесноты щемящего сомненья:
Как ни вертись, простая сила тренья
Затормозит любую круговерть;

Сожмется в точку самый длинный путь,
И треснут прутья самой прочной клетки,
Когда огонь, спалив сухие ветки,
Метнется вверх, как в градуснике ртуть.

ОСЕНЬ

В лесу сережки, бусы, кольца, кисти,
Хрустят пугливо луки на дворе —
Так мелкий дождь потрескивает в листьях,
И головешке бредит на костре.

Все далеко; чернеют окна дачи,
Дрожит сентябрь в унылом фонаре.
Сжигают лето; в поминальном плаче
Зашелся паз в дырявой конуре;

И вдруг, забыв про холод и усталость,
Я стал мечтать, что на земле осталось
Немного места для моей судьбы,

Что ничего страшней уже не будет,
Что Бог за все простит и не осудит,
Приняв мои убогие мольбы.

ДОМ

Еще никто не умер. За окном
Воздушных лет зеленоватый кокон
Из молодых и трепетных волокон,
И в коконе — смолистый старый дом.

Лесные сны и гномы жили в нем,
Провваливались птицы в солнце окон,
И иногда прозрачно-белый локон
Касался их березовым дождем.

Наверное, и ныне старый дом
Плывет, и теплый воздух зеленеет,
И солнце замирает за окном,

И у террасы яблони темнеют
И гаснут астры... Так за годом год
Уже не я, а он во мне живет.

+ + +

Есть ясная продолговатость
В рассветном воздухе, пока
Деревьев хрупкая крылатость
Дрожит, как колокол сачка;

Пока — сквозь злую память — снова
Промокший лес не прошумел,
Что вд — сияющий придел
Невоплощенного былого.

ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Темнеет. Солнце плывет в огне
Пустого перелеска.
Вытягиваясь, мнется на окне
Цветная занавеска.

Все движется, как будто в пустоте,
Простроченной пунктиром,

Где ангелы руками в темноте
Прокляывают дыры.

Из них в лицо бьет изумрудный свет
Вернувшегося детства,
В бреду на миг воскреснувший завет
Небесного наследства.

И в тошном мраке комнаты-тюрьмы
Почти неразличимы,
Выглядывая из-за ширмы-тьмы,
Белеют серафимы.

+ + +

Вошла во двор с душой пустой и голой
И, согревая уличную хмерь,
Перед святым угодником Николой
Шептала, сжавшись, праздничный тропарь.

Стыдясь, зашла... За час до литургии
В высокой темной церкви ни души;
Дрожа, молилась Матери Марии
В цветной, пропахшей ладаном, глуши.

...Благословенна...- и катились слезы -
...В женах...- поклоны биле до земли,
И восковые застывали слезы
На свечке, что до времени зажгли...

Написано: услышится во свете
Все то, что вы сказали в темноте...
Как сон, стряхнув невидимые сети,
Ее душа очнулась во Христе.

/Москва, Церковь Преподобного Пимена,
22 мая 1982 г./

СНЕГ

Из плоских стен, сквозь серый потолок
Снег сыпется на стол, кровать, иконы;
В окне трещит бумага, как звонок
Спеленутого скотчем телефона.

Как пузырьки в боржоми, колкий страх
Стоит у двери, прислонившись к раме;
На улице машины спят в чехлах,
Как полные тела под простынями.

Вертяввя, колючья крупя
Зв стеклами прессуется, как вата -
Так шариков сшибается толпе
В стеклянном пузырьке гомеопата;

И выгнувшись, топорщется взвзброс
Сухие паруса перегородок;
По-волчьи воет лоджия... Христос
Перед лампадой греет подбородок.

+ + +

К д в л е к о м у, как бабочка к стеклу,
Прижмусь, припоминая понемногу
Пустую деревенскую дорогу,
Акации и солнце на полу;

И на траве нелепый красный стул,
И серый пляж, и девочку Марину...
Как бы затылком на язык продвину
Невесть откуда налетевший гул.

И ничего не зная наперед,
Увижу вдруг, собрав остатки веры,
Что жизнь моя, как дни до нашей эры,
Из темноты к рождению течет.

+ + +

Там — тишина и пустота,
Простор и свет, кресты и ветки.
Здесь — теснота бумажной клетки,
Пятно голодного листа.

Здесь — сонный, слабый человек
Мерзает ватные страницы,
И только пыль над ним кружится;
А там — кружится только снег.

Здесь — что-то бормоча про ад,
Он что-то думает о рае,—
Все только болтовня пустая...
А там — уже не говорят.

ДЕТСТВО

Шагнуть в окно, свалиться со стола,
Открыть сервант и своровать лекарство,
И понимать, что даже пастила
В сто раз важней любого государства.

Любовь и смерть пока еще одно,
Конец еще не потерял начало,
И умереть не страшно — все равно
Что с головой залезть под одеяло.

СОНЕТ

Луна, сияя, тихо серебрит
Семи громад возвышенные шпили,
У мэгзина в комьях мягкой пыли
Рабочий парень на асфальте спит.

Кто виноват? Царь Петр, Демокрит,
Жан-Жак Руссо, Иосиф Джугашвили?..
И вдруг чуть слышно: их уже судили,
Что дальше, д а л ь ш е? Но святой молчит,

А мы кричим... и нем сам черт не брат,
Мы властно обличаем всех подряд
Не ради славы, горькой правды ради -

Так суетятся стайки бесенят,
Так водомерки по озерной гледи
Туда-сюда бессмысленно скользят.